Галина
КОЛОСКОВА

РАЗВОД
с миллиардером
Крепость из песка

Галина Колоскова

Развод с миллиардером. Крепость из песка

«Автор»
2026

Колоскова Г.

Развод с миллиардером. Крепость из песка / Г. Колоскова — «Автор», 2026

— Вика, милая, ну что ты? Не вешай нос. Ерунда всё это! Кому нужная эта Карина? Мирон не дурак, не променяет тебя на чужую жену. У вас шестеро детей. У Карины две девчонки. Просто бизнес, отдых, светская тусовка. Ты же знаешь, как журналюги любят приврать.Медленно поднимаю на подругу глаза. Во рту пересохло.— Он был в Швейцарии три недели назад. Говорил, что на переговорах в Цюрихе.Ольга замолкает. Её уверенности приходит конец. — Ну… может, переговоры и были… А это так, после…Перевожу взгляд на огромное окно, за которым простирается наш ухоженный сад. Всё здесь — его. Этот дом, эта земля, эта жизнь. И я — часть этого интерьера. Удобная, красивая, но… заменяемая.

© Колоскова Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Галина Колоскова
Развод с миллиардером. Крепость из песка

Глава 1

Виктория

Утро для меня начинается не с солнца, согревающего шезлонг южной страны, а с тихого стука в дверь. Еле слышный, как далёкое эхо, будто скребётся мышонок. Я ещё не открываю глаза, но уже знаю – это Лиза. Моя младшая. Она всегда просыпается первой и несёт свой воображаемый чайный сервиз в нашу спальню, но зайти боится. Нерушимое правило, установленное отцом: папа не любит, когда его будят.

Приоткрываю один глаз. Рядом тяжело дышит Мирон. Смотрю на напряжённые мышцы рук и дёргающиеся веки. Мужу снится кошмар. Ему пятьдесят, но в последнее время даже отдых даётся Мирону с усилием. Он лежит спиной ко мне, огромный и незнакомый, под идеально отутюженным бельём из египетского хлопка.

Занавески в нашей уютной спальне плотно сдвинуты, но сквозь стык полотен пробивается единственная тонкая полоса света. Она ложится на тёмный паркет холодным лезвием.

Стук повторяется. Уже настойчивее.

– Мам? – тонюсенький шепоток почти не слышен.

Я мгновенно, как вор, соскальзываю с огромной кровати. Не хочу, чтобы Мирон проснулся недовольным. Босые ноги тонут в ковре. Мирон не шелохнулся. Я приоткрываю тяжёлую дверь, и в щель проскальзывает маленькая тёплая лисичка в пижаме с единорогами. Она сразу же вцепляется мне в ногу.

– Я тебе чай принесла, – шепчет она, протягивая воображаемую, но такую горячую чашку. Огромные папины глаза смотрят на меня очень серьёзно, отчего что-то острое и щемящее сжимается у меня внутри.

– Спасибо, солнышко моё, – так же тихо отвечаю я, делаю вид, что отпиваю самый вкусный в мире напиток. – Ммм… волшебно! Пойдём будить других сонь?

Лиза с хитрой улыбкой согласно трясёт головой. Колечки рыжих волос закрывают большие глаза.

Я беру её на руки – она лёгкая, как пушинка. Пристраивает голову у меня на плече, запуская пальчики в мои длинные волосы. Мы выходим из спальни в полумрак огромного, слишком тихого дома. Двадцать лет в этих стенах. Девятнадцать из них я искренне считала себя счастливой. А сейчас просто привыкла. Привыкла к масштабу, к безупречному блеску, к этой давящей, гулкой тишине, которую не могут заполнить даже шестеро детей и целый штат прислуги.

Идём по коридору мимо спален старших детей. Дверь в комнату Артёма приоткрыта – он уже не спит. Слышно, как спорит по телефону низким, голосом, очень похожим на отцовский. Из комнат двойняшек доносится сдержанный смех. Дом просыпается сам по себе, живёт отлаженной жизнью. Без нас. Без него.

Спускаемся на первый этаж. Из столовой доносятся тихие голоса и запах свежесваренного кофе. Наш повар, Алина Михайловна, и две горничные готовят завтрак. Большой стол в столовой уже накрыт белоснежной скатертью, сверкает хрусталём и серебром.

– Доброе утро, Виктория Сергеевна, – мягко улыбается Алина Михайловна. – Кофе для Мирона Сергеевича готовить? Сейчас сделаю вам эспрессо.

– Спасибо, Алина Михайловна, – киваю я, отпуская Лизу на пол. Она сразу бежит к вазе с фруктами.

В огромной столовой появляется Артём. Высокий, подтянутый, уже почти мужчина. Он одет в идеально сидящие джинсы и простую белую футболку, которая стоит как год моей прежней жизни. Он берет с подноса круассан и наливает себе свежевыжатый сок.

– Смотри, не упади в обморок снова от голода, – бросает он мне через плечо, но в его тоне слышна не колкость, а скорее забота, тщательно скрываемая подростковой бравадой. Он весь в отца – та же стать, те же резкие, уверенные движения. Но душой – в меня.

Я пытаюсь улыбнуться. Вчера действительно закружилась голова посреди дня. Я забыла поесть, разрываясь между проверкой уроков у Вани, срочной помощью Маше с проектом по искусству и бесконечными звонками ландшафтному дизайнеру по поводу нового розария. Всегда есть куда приложить руки жене миллиардера Волкова. Всегда есть чем заполнить пустоту, чтобы не замечать её размаха.

Раздаётся мягкий, но властный гудок лифта. Это Мирон спускается, чтоб покинуть дом. Он не зайдёт в столовую. Не поцелует детей перед уходом. У него нет на это времени. Его мир – фондовые индексы, совещания в полдень по нью-йоркскому времени и цифры, значащие больше, чем живые люди. Мы – часть идеально отлаженного механизма его жизни, который должен работать бесшумно и не давать сбоев.

Лиза подбегает ко мне и дёргает за край шёлкового халата.

– Мама, а папа сегодня придёт на мой утренник? Я стих рассказываю.

В горле комом встаёт вопрос, который я задаю себе каждое утро вот уже несколько месяцев. Придёт ли? Вспомнит ли? Уделит ли пятнадцать минут своего драгоценного времени?

– Конечно, придёт, рыбка, – мой голос звучит слишком бодро, фальшиво даже для собственного уха. – Он обещал.

Обещал. Слово, потерявшее в последнее время всякий вес и смысл. Рассыпалось, как песок сквозь пальцы. Обещал быть на соревнованиях Вани по плаванию. Обещал сходить с Сашей в автосалон – посмотреть новинки. Обещал отметить нашу годовщину. Девятнадцать лет. Целая жизнь, отданная ему и этому дому.

Через полчаса в холле царит оживлённая суета. Няни помогают младшим собраться, горничная подаёт мне пальто и сумку. К подъезду уже поданы автомобили – сначала большой чёрный «Мерседес» для старших детей с водителем Виктором, потом мой «Ленд Ровер». Я сажаю Лизу и Ваню, проверяю, все ли пристегнулись. Мой день в роли семейного логиста начался.

Весь день пролетает в привычном, отлаженном вихре. Школа, потом музыкальная школа для Лизы, теннис для Вани. Я не веду машину сама – за рулём Александр, мой водитель. Я лишь сижу на заднем сиденье, уткнувшись в телефон. Отвечаю на бесконечные сообщения от организаторов благотворительного вечера, учителей, стилиста Мирона. Я выхожу из машины, чтобы завести либо забрать детей. Улыбаюсь учителям, легко и непринуждённо. Болтаю с другими мамами у ворот престижной школы. Все они видят идеальную картинку. Виктория Волкова. Тридцать девять лет. Жена олигарха. Мать шестерых детей. Безупречно одетая, спортивная, подтянутая, с идеальной укладкой и макияжем. Хранительница очага, который больше похож на музей.

Возвращаемся домой под вечер. Дети разбегаются по своим уголкам – кто в игровую, кто в кинотеатр, кто делать уроки с репетиторами. Снова накатывает тишина, густая и тяжёлая, несмотря на то, что дом полон людей. Я скидываю туфли на мраморном полу холла, давая ногам отдых. Иду в кабинет Мирона. Нужно подписать документы из банка для новой няни. Он требовал сделать это сегодня, оставил записку на моем столике в спальне.

В кабинете пахнет мужем. Его дорогим парфюмом с древесными нотами. Сигарным дымом, впитавшимся в книги, и полировкой для красного дерева. Всё стерильно, разложено по линеечке. Ни пылинки. Я аккуратно сажусь в его массивное кожаное кресло за столом-великаном. Чувствую себя чужой, посягающей на запретную территорию. Открываю верхний ящик

стола в поисках его запасной ручки. И вижу его планшет. Старая модель, которую он, должно быть, забыл здесь или отложил, перейдя на новую.

Я не собиралась его брать. Рука сама потянулась, чтобы просто убрать его в сторону. Но палец случайно, по неловкости, чиркнул по экрану. И он оживает. Экран светится. Он не заблокирован. Мелькает интерфейс открытого мессенджера. И мой взгляд, против моей воли, выхватывает одно имя. Одно-единственное сообщение, самое верхнее, отправленное сегодня рано утром, в пять ноль-ноль.

«Не могу дождаться вечера. Целую».

Сообщение было для него. А имя отправителя яркой инородной вспышкой на экране – «К.Л.».

Сердце не колотится. Оно останавливается. На секунду мир перестаёт существовать. Нет ни звуков за дверью, ни гула лифта, ни дыхания. Нет ничего. Только эта строчка на ярком экране. И холод. Ледяной, пронизывающий до костей холод, идущий изнутри, из самого остова, и покрывающий меня тонкой, невидимой коркой. Я не дышу. Смотрю, словно испепеляю его взглядом. Потом медленно, негнущимися пальцами, кладу планшет точно на то же место. Закрываю ящик. Встаю. Выхожу из кабинета.

Иду по бесконечному коридору. Шаги отдаются в звенящей тишине гулким эхом, словно по дну глубокого, тёмного колодца.

Поднимаюсь к себе в спальню. Закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. Занавески ещё не задёрнуты. За огромным панорамным окном зажигает огни вечерний город. Мириады огней, целая вселенная, живущая своей жизнью. А я стою одна в центре огромной, идеальной, абсолютно пустой крепости. И понимаю, что не сообщение становится началом конца. Оно лишь факт. Давно вынесенный приговор. Я лишь случайно наткнулась на него, как на острый угол мебели в собственном доме.

Тишина после этого становится совсем другой. Звенящей. В её звоне я слышу первый, едва различимый хруст моего идеального мира. Тонкий, как треск лопнувшей нити жемчужного ожерелья. Жемчуг летит в разные стороны, закатывается в углы, в места, где темно и не видно солнца. Вопрос заставляющий неметь мозг: можно и нужно ли собирать его в одно целое?

Глава 2

Виктория

Вечер. Я стою перед зеркалом в гардеробной. Пытаюсь застегнуть платиновую нить браслета на запястье. Пальцы не слушаются, дрожат. Тонкая застёжка снова выскальзывает из зажима. Сегодня наша годовщина. Двадцать лет официального брака. Фарфоровая свадьба. Мирон заказал столик в самом пафосном ресторане города, куда невозможно попасть без брони за полгода. Он прислал мне новое платье – струящийся стальной шёлк, который облегает фигуру, как вторая кожа. Оно прекрасно. Я прекрасна в нём. Высокая, подтянутая, с укладкой, которую час делал стилист, с макияжем, подчёркивающим скулы и губы. Со стороны – идеальная картинка. Изнутри – пустота, обтянутая шёлком.

Я слышу, как внизу хлопает дверь лифта. Это он. Его тяжёлые, уверенные шаги разносятся по мрамору холла. Он дома раньше обычного. Для такого события он нашёл время.

Я делаю последний вздох, ловлю в зеркале отражение женщины, которой должна быть, и выхожу к нему. Мирон стоит у большого панорамного окна, спиной ко мне, смотрит на огни города. Он в идеально сидящем смокинге. Седеющие виски аккуратно подстрижены. Он оборачивается. Его взгляд скользит по мне – оценивающий, деловой. Как будто осматривает новый актив.

– Ты готова? – голос ровный, без эмоций. Ни тени восхищения в серых глазах. Ни улыбки. – Машина уже подана.

– Мирон, – я делаю шаг к нему. – Может, сначала выпьем по бокалу шампанского? Только мы. Дети приготовили для нас небольшой концерт.

Он смотрит на часы. Дорогие, швейцарские, тикающие на широком запястье.

– Виктория, у меня нет на это времени. Ужин на восемь. После ужина – важный звонок с Гонконгом. Мы должны быть точны.

В горле комок. Гонконг. В девять вечера в день нашей годовщины.

– Но дети ждали… Лиза весь день репетировала стихотворение.

– Перенесём на завтра, – он отмахивается, доставая смартфон, чтобы проверить сообщения. – Завтра утром я буду свободен.

«Завтра». Это слово звучит как приговор. Как отложенная казнь. Сколько уже этих «завтра»? Завтра сходим в кино. Завтра поговорим. Завтра обсудим отпуск. Его «завтра» никогда не наступает.

– Мирон, нам нужно поговорить, – звучит тише, чем я хотела. Почти шёпотом.

Он отрывает взгляд от экрана, смотрит на меня с лёгким раздражением.

– Сейчас? Серьёзно? Мы опаздываем.

– Да. Сейчас. Это важно.

Он тяжело вздыхает, откладывает телефон на консоль.

– Хорошо. Говори. У тебя есть три минуты.

Я замираю. Что можно сказать за три минуты? Что я задыхаюсь в нашем идеальном доме? Что мне не хватает его взгляда, его внимания? Что я подозреваю его в измене? Нет. Не это. Не сейчас.

– Что с тобой происходит? – выдыхаю я. – Ты стал совсем другим. Отдалённым. Мы живём как соседи по роскошной гостинице.

Он смотрит на меня, и в его глазах нет ни тепла, ни раскаяния. Только холодная расчётливость.

– У меня сложный период, Виктория. Ты не ребёнок, чтоб не понимать. Компания, кризис, переговоры. У меня нет времени на лирику. Я обеспечиваю нашу семью достойной жизнью. Всем, что у вас есть. Разве этого мало?

– Мне мало тебя, – срывается с губ. – Нам мало тебя. Дети перестали тебя видеть.

– Завтра, – он снова произносит это слово, отрезая все возражения. – Завтра утром мы всё обсудим. Спокойно, без истерик. А сейчас… давай не портить вечер. Ты знаешь, я ненавижу сцены.

Он берет телефон, поправляет манжеты смокинга и направляется к лифту, уверенный, что разговор исчерпан. Что каждое сказанное им слово – закон. Я остаюсь стоять посреди огромной гостиной, в дорогом платье, чувствуя себя абсолютно голой и беспомощной. Сцена не состоялась. Истерики не было. Очередная тихая капитуляция.

Мы едем в ресторан в гробовом молчании. Он просматривает документы на планшете. Я смотрю в окно на мелькающие огни. Ужин проходит так же безупречно и холодно. Он говорит с сомелье о вине. Делает мне тонкий комплимент по поводу платья, чтобы поддержать видимость общения. Отвлекается на звонки. Я ем устрицы, кажущиеся мне безвкусными. Чувствую на себе взгляды других гостей. Они смотрят на красивую пару. На успешного мужа и ухоженную жену. И видят сказку. А я чувствую лёд.

Возвращаемся домой ближе к полуночи. Мирон бросает мне, в задумчивости ступая на лестницу:

– Я сегодня очень устал и поздно лягу спать… – Шагает назад. – Уйду в гостевые комнаты, чтоб тебе не мешать.

Согласно киваю. Плетусь наверх по широким ступеням.

– Хорошо. Спокойной ночи.

На секунду смыкаю веки. Вот и спальни у нас становятся разными.

Он сразу идёт в кабинет – сделать тот самый «важный звонок с Гонконгом». Я в спальню. Скидываю ненавистное платье. Смываю с лица макияж. Надеваю удобный мягкий халат. Не могу уснуть. Тревога – живая, колючая, сжимает горло. Это не предчувствие. Я знаю, что что-то не так, очень давно и очень сильно не так.

Спускаюсь на кухню за водой. Дом погружен в сон. Только дежурный светильник освещает огромное пространство. Прохожу мимо его кабинета. Дверь приоткрыта, свет внутри выключен. Значит, звонок закончился, и он, вероятно, уже ушёл в спальню. Мы разминулись.

И тут я вспоминаю. Его старый планшет. Тот, что я видела днём. Он должен всё ещё лежать в ящике стола. Мысли бомбардируют голову: «А вдруг он его заблокировал? А вдруг стёр всё?» Жгучее, неконтролируемое любопытство гонит меня вперёд. Я захожу в кабинет, залитый лунным светом. Сажусь в его кресло. Открываю тот самый ящик. Планшет на месте.

Достаю его. Прикасаюсь пальцем к тёмному экрану. Он загорается. И снова – нет пароля. Нет защиты. Похоже, Мирон меня не боится. Словно я не вхожу в число тех, от кого стоит что-то скрывать.

Листаю экран. Корпоративные приложения, биржевые сводки. Рука сама тянется к иконке мессенджера. Открываю его. История чатов. Верхний диалог. Всё то же имя – «К.Л.». Сердце замирает. Я прокручиваю вверх. Сообщения не удалены. Их не так много. Они короткие. Сначала деловые. Потом тон меняется.

Он: «Как прошла презентация?»

Она: «Скучаю. Жду нашей встречи».

Сообщение от сегодняшнего утра. То, что я уже видела. Я листаю выше, датированное двумя неделями назад.

Он: «Ты прекрасно выглядела сегодня вечером».

Она: «Спасибо. Ты тоже. Жаль, нельзя было подойти».

Ещё выше. Поздняя ночь.

Она: «Не спится. Думаю о тебе».

Он: «Я тоже. Завтра позвоню».

Каждое слово – как удар тонким лезвием по живому. Они точные, аккуратные. В них нет панибратства, ничего лишнего. Но в каждой фразе – нежность. Та, которой мне так не хватает в последнее время. Нежность, которую он больше не дарит мне, но находит время писать ей поздно ночью. Находит слова, чтобы сказать, что она прекрасно выглядит. Он ждёт их встреч.

Я сижу в его кресле, в темноте кабинета, и держу в руках маленький экран, на котором горит доказательство моего краха. Во мне нет ярости. Нет желания крушить всё вокруг. Есть только всепоглощающая, леденящая пустота. Я как будто проваливаюсь в чёрную ледяную воду и медленно иду ко дну. Не плачу. Слёз нет. Есть тихий, беззвучный крик где-то глубоко внутри.

Я аккуратно, с болезненной педантичностью, закрываю приложение. Кладу планшет точно на то же место. Закрываю ящик. Выхожу из кабинета. Поднимаюсь по лестнице в свою спальню. Действия выверенные, механические.

Захожу в ванную комнату, включаю воду и долго смотрю, как она течёт. Скидываю халат. Поднимаю глаза на своё отражение в зеркале. Женщина тридцати девяти лет. Спортивная, подтянутая, красивая. Ухоженная кожа, длинные тёмные волосы. И абсолютно пустой, мёртвый взгляд карих глаз.

Трещина прошла не по нашему браку. Она прошла по моей душе. Разделила меня на «до» и «после». На ту, что верила в сказку, и ту, что держала в руках доказательство её завершения. Понимаю, что «завтра» он ничего обсуждать не будет. Его «завтра поговорим» – ложь. Такая же, как и все «скучные презентации» и «важные звонки в Гонконг».

Я возвращаюсь в спальню, ложусь на огромную кровать и смотрю в темноту на его сторону. Она пуста. Он так и не пришёл. Я остаюсь одна с тишиной и с новым знанием. Теперь всё будет по-другому. Теперь я должна буду что-то делать. Но сначала мне нужно пережить эту ночь. Пережить и решить, кем я стану, когда наступит утро.

Глава 3

Виктория

Утро после нашей неудачной годовщины начинается с неестественной тишины. Мирон ушёл рано. Я слышала, как защёлкнулась ворота, и это звучало как выстрел, отголосок вчерашнего. Дети уже разъехались по школам и колледжам, младшую, Лизу, увезла няня на развивающие занятия. В огромном доме, обычно наполненном гулом голосов, смехом и топотом детских ног, воцарилась звенящая пустота. Брожу по безупречно чистым комнатам, и каждая вещь – огромная семейная фотография в серебряной раме, подаренная им ваза из хрусталя баккара – кажется мне теперь памятником чему-то умершему.

Я пытаюсь заставить себя заниматься чем-то. Просмотреть недельное меню, которое прислал повар. Обсудить с главной горничной график стирки. Но пальцы не слушаются, а мысли путаются. Ловлю себя на том, что стою посреди гостиной и смотрю в огромное панорамное окно на залитый осенним солнцем сад. Всё здесь, до последней травинки, выстрижено и выверено ландшафтным дизайнером. Идеально. Безжизненно.

Моё одиночество нарушает тихий, почтительный голос горничной.

– Виктория Сергеевна, к вам Ирина Викторовна. Принять?

Ира. Одна из моих подруг. Верная спутница всех светских раутов и сплетниц номер один в нашем кругу. Обычно её визиты меня радуют – она всегда в курсе всего, приносит с собой ветерок свежих новостей и легкомысленной суеты. Но сегодня её имя заставляет моё сердце сжаться от непонятной тревоги. Она звонила вчера, поздравляла, я солгала, что всё прекрасно, что мы чудесно провели вечер.

– Конечно, прими. Я пройду в гостиную. И приготовь, пожалуйста, кофе для нас.

Машинально поправляю волосы, сглаживаю складки на шёлковых брюках. Вид у меня должен быть соответствующий. Вид счастливой женщины. Я тренировала это выражение лица годами.

Ирина влетает в гостиную, как ураган, одетая с ног до головы в новейший сезон какого-то модного дизайнера. От неё пахнет дорогим парфюмом и тревогой. Её глаза, обычно смеющиеся, сегодня бегают по сторонам, не желая встречаться с моими.

– Викулечка, родная! Ну как ты? – она бросается обнимать меня, и её объятия кажутся слишком порывистыми, почти нервными.

– Да как всегда, Ир. Ничего нового. Садись, кофе сейчас принесут.

– Ничего нового, – она фыркает, садясь на край дивана, как будто боится примять его собой. – Это ты мне потом скажешь.

Она откладывает свою сумочку из крокодиловой кожи, стоимостью с небольшой автомобиль. Снова окидывает меня взглядом, полным странной жалости. Её взгляд доводит мою тревогу до пика. Что могло случиться? Конец света? Ожидание катастрофы напрягает нервы.

Горничная приносит кофе на серебряном подносе, расставляет изящные фарфоровые чашки. Мы молчим, пока она не скрывается за дверью.

– Ира, что случилось? У тебя такой вид, будто ты на похоронах. Говори уже.

Она берет чашку. Замечаю, как дрожат пальцы, унизанные массивными кольцами.

– Сначала поклянись, что не скажешь Мирону, от кого ты это услышала. Он сожрёт меня живьём, а его адвокаты похоронят моего бедного мужа под тысячей исков.

Ледяная рука сжимает сердце. Мирон. Адвокаты. Почему сразу такие слова?

– Ира, что происходит?

– Поклянись, Вика!

– Хорошо, клянусь. Говори.

Она глубоко вздыхает. Ставит чашку. И с отвращением, как будто берет в руки что-то гадкое, достаёт из сумочки смартфон. Длинные, наманикюренные пальцы быстро бегают по экрану.

– Это гуляет в нескольких закрытых чатах. Вчера вечером выложили. Я не знала, показывать тебе или нет. Но… если не я, тебе покажет кто-то другой, и уже без всякой жалости.

Она протягивает мне смартфон. На экране – размытый снимок, сделанный, видимо, длиннофокусным объективом из машины или из-за угла. На нём мужчина и женщина. Они выходят из какого-то неприметного ресторана или гостиницы. Женщина в профиль. Высокая, стройная блондинка в элегантном пальто. Она смеётся, запрокинув голову. Я узнаю её. Карина Луговая. Жена телеведущего, Олега Новикова. Я видела её пару раз на благотворительных вечерах. Яркая, немного нахальная, из тех женщин, что привыкли быть центром внимания.

Смотрю на мужчину. Он идёт чуть впереди. Его лицо повёрнуто в сторону, воротник пальто поднят. Качество отвратительное. Но я замираю. Нет, не может быть. Я узнаю его по посадке головы. По тому, как несёт крупное тело – с лёгкой, почти артистической небрежностью, которая всегда меня восхищала. Узнаю широкие плечи. В кадр попадает знакомый разрез глаз, который кажется, прищурен от удовольствия. А потом я вижу его руку. Он держит ею дверь для Карины. И на руке, на запястье, массивный стальной хронометр с синим циферблатом. Тот, который я выбирала ему на тридцатипятилетие. Он его почти не снимает.

Мир сужается до размеров экрана. Звон в ушах заглушает все другие звуки. Я не чувствую дивана под собой, не вижу роскошной гостиной вокруг. Вижу только два размытых силуэта и его часы. Часы, которые я застёгивала на его руке утром всего пару дней назад.

– Это какая-то ошибка, – слышу я свой собственный голос, глухой и чужой. – Мужчина похож на Мирона, да. Но может, это его брат? Или похожий человек. Сейчас много…

– Вика, милая, – голос Иры звучит мягко, и от этой мягкости мне хочется кричать. – Там не один кадр. Листай дальше.

Мои пальцы, холодные и непослушные, проводят по экрану. Следующий кадр. Они стоят рядом с тёмным внедорожником. Он наклоняется к ней, что-то говорит ей на ухо. Его губы почти касаются её мочки. Выражение его лица… такого я не видела давно. Нежность. Полная, безраздельная поглощённость этой женщиной. Так Мирон смотрел на меня двадцать лет назад. Третий кадр. Она садится в машину, а он закрывает за ней дверь. И снова смотрит на неё с той же улыбкой. Счастливой, влюблённой улыбкой.

Читать сообщения, отправленные в неизвестность намного проще и не так больно. Я отбрасываю смартфон, обжигающий руки. Он падает на мягкий ковёр бесшумно.

Вскакиваю с дивана и отхожу к окну. Поворачиваюсь к Ире спиной. Мне нужно, чтобы она не видела моего лица. Не видела, как рушится каменная маска, которую я так старательно лепила все эти годы. Дыхание сбивается, в глазах стоит колючий туман. Я сжимаю кулаки. Пальцы впиваются ногтями в ладони. Боль помогает вернуться в реальность.

– Когда? – голос снова обретает твёрдость.

– Вчера днём. Примерно в то время, когда ты, видимо, готовилась к вашему ужину.

Вчера днём… Пока я проверяла, всё ли готово на кухне, пока с замиранием сердца ждала его возвращения, он был с ней. Смеялся с ней, что-то шептал ей на ухо. А вечером смотрел на меня пустыми глазами и говорил, что устал.

– Почему ты решила показать это мне? – я всё ещё стою к ней спиной, глядя на идеальный газон.

– Потому, что я твоя подруга. Потому, что завтра это увидит весь город, и все будут тыкать в тебя пальцами и ждать, что ты сделаешь. А ты единственная будешь не в курсе. Не хочу, чтобы ты узнала об этом от какой-нибудь падкой на сплетни желчной сволочи, вроде Лены Кривошеевой.

Она права. Поступила как подруга. Но в её голосе слышится не только сочувствие. В нём любопытство. Нетерпеливое ожидание спектакля. Она принесла мне не только боль. Она принесла мне сценарий. И теперь ждёт, как я буду играть свою роль. Обезумевшей жены? Униженной и оскорблённой? Сломленной жертвы?

Я медленно поворачиваюсь к ней. Чувствую, как по щекам текут слёзы, но даже не пытаюсь их смахнуть. Пусть видит всю глубину моей боли. Это то, чего она ждёт.

– Спасибо, Ир. Ты права. Лучше уж от тебя.

– Викочка, родная! – она снова подбегает ко мне. Её объятия теперь кажутся искренними. – Я так тебе сочувствую! Мирон козел! Подлый, ничтожный… Ну как он мог? С такой женщиной, как ты! С шестью детьми! Да он просто не в своём уме!

Ира изливает поток слов. Ругает его последними словами. Льёт на мою рану елей праведной ярости. А я стою и смотрю поверх её плеча. Не слышу её слов. Вижу только его улыбку на том фото. Улыбки, подаренные другой женщине.

– Что ты будешь делать? – наконец спрашивает она. – Ты с ним поговоришь? Выяснишь?

Я медленно качаю головой. Нет. Никаких разговоров. Никаких выяснений. Вчерашний вечер дал мне все ответы. Его холодность, его отстранённость, его «нам нужно поговорить». Теперь все пазлы сложились в единую, уродливую картину.

– Я не знаю, Ира. Мне нужно подумать. Одной.

Она понимающе кивает.

– Конечно-конечно! Я тебя оставлю. Только… будь осторожна! У него связи. Если ты решишь… ну, там, развод или что… тебе нужен будет адвокат получше, чем у него.

Она целует меня в щеку и, наконец, уходит, оставив в одиночестве с новой, чудовищной правдой.

Я остаюсь стоять посреди гостиной. Солнце продолжает ярко светить в окна, играя бликами на хрустальной люстре. Всё то же, что и раньше. Тот же дом, та же жизнь. Но теперь всё это – чуждое, чужое. Оно принадлежит той Вике, что верила в свой идеальный брак. Та Виктория мертва.

Я медленно иду к брошенному на диван своему смартфону. Открываю браузер. Пальцы набирают её имя. Карина Луговая. Выскакивают тысячи ссылок. Биография, карьера, фотографии. Она ведёт утреннее шоу на главном развлекательном канале. Включаю недавний выпуск. Она сидит в студии, смеётся, шутит с гостями. Красивая блондинка с голубыми глазами. Яркая, уверенная в себе, современная. Ей тридцать шесть. Всего на три года меньше, чем мне. Но она выглядит иначе. Из мира телевизионного успеха, гламура и бесконечных возможностей.

Выключаю видео. Мне физически плохо.

До меня доходит последняя фраза Иры. «Если ты решишь развод… тебе нужен будет адвокат получше, чем у него».

Адвокат. Дети.

Внезапно ледяной ужас пронзает меня насквозь, вытесняя всю боль, всю жалость к себе. Мирон не просто уйдёт к другой. Он сказал: «Нам нужно серьёзно поговорить. О детях». Сказал это вчера. А вчера он был с ней.

Он не просто хочет уйти. Он хочет забрать у меня детей.

Мысль настолько чудовищна, что хватаюсь за спинку дивана, чтобы удержаться на ногах. Нет, он не может. Он их отец! Он знает, что дети – всё для меня.

Но я знаю Мирона. Если он что-то решил, то идёт до конца. Его бизнес построен на этом. Он безжалостен к конкурентам. А теперь я стала для него конкурентом. Препятствием на пути к его новому счастью.

Тихое, жалкое отчаяние, заполняющее меня минуту назад, испаряется. Его место занимает новый, холодный и острый, как лезвие, страх. Не за себя. За них. За моих детей.

Подхожу к камину, над которым висит самая большая семейная фотография. Мы все вместе: я, Мирон, шестеро наших ребят. Все улыбаются. Идеальная семья. Идеальная ложь.

Медленно выдыхаю. Смотрю на своё отражение в стекле, наложенное на улыбающиеся лица. Глаза, ещё полные слёз, становятся сухими и жёсткими. Сейчас главное не торопиться, а всё хорошо обдумать.

Завтра об этом будут говорить все, смотреть мне вслед сочувствующими взглядами, но молчать. Я тоже буду молчать, надеясь, что это просто интрижка. Потому что, если заговорю, путь один – в суд. А я слишком люблю свою семью и своего мужа.

Глава 4

Виктория

Я сижу у окна в зимнем саду и пытаюсь читать. В последнее время совершенно не получается расслабиться.

Сегодня суббота, дом наполнен детскими голосами, но мне удалось укрыться здесь на полчаса, под предлогом проверки орхидей. На самом деле, я пытаюсь поймать равновесие, которое ускользнуло от меня с той самой минуты, как Мирон отложил наш разговор.

Прошло уже два дня. Два дня тягостного молчания, сквозь которое прорывается лишь его деловой тон, когда он отдаёт распоряжения персоналу или говорит по телефону. Не перестаю думать об измене Мирона и как воспитать детей, если придётся с ним расстаться. Шесть частей моего сердца, шесть судеб родных человечков зависят от правильности моего решения.

Я перечитываю одну и ту же строчку в пятый раз, но смысл упрямо не хочет задерживаться в голове. Всё моё существо напряжено, как струна, ожидающая щипка. Я чувствую его взгляд на себе ещё до того, как он появляется в дверях. Он уже одет – строгий кашемировый джемпер, тёмные брюки. Не по-домашнему.

– Мне нужно в офис. Неожиданное совещание по сингапурскому контракту, – сообщает он, не подходя ближе. Его голос ровный, без капли скрытой вины. Сухая констатация факта.

Сглатываю ком в горле. Сколько ещё времени он будет держать меня за идиотку?

– В субботу? – откладываю книгу и смотрю на него, пытаясь разглядеть в его глазах хоть что-то. Хоть искру вчерашней неловкости. Но там лишь привычная сталь.

– Кризис не выбирает удобное время. Вернусь к ужину.

Он не целует меня на прощание. Разворачивается и уходит. Я слышу, как в прихожей ему подают пальто, как за ним закрывается парадная дверь. Тишина, которая наступает после его ухода, кажется ещё громче, чем обычная суета. Подхожу к окну и вижу, как его чёрный «Мерседес» плавно отъезжает от подъезда. За рулём Игорь, его личный водитель.

Сердце сжимается от знакомой тоски. Он работает всегда. Я привыкла к этому за двадцать лет. Но раньше он находил способ дать мне понять, что я и дети – главное. Сейчас этого нет. Есть выстроенная им стена, холодная и гладкая, в которую я упираюсь каждый раз, пытаясь до него достучаться.

Марьяна, няня младших, проходя по коридору с корзиной белья, бросает на меня сочувствующий взгляд. Все в доме чувствуют эту странную атмосферу. Они ещё ничего не знают, но уже видят трещины. Мне становится неловко под взглядами прислуги. Я – хозяйка дома. Я должна быть оплотом уверенности и спокойствия. А вместо этого чувствую себя потерянной девочкой.

Желая заглушить тревогу, иду на кухню. Лиза, наш повар, замешивает тесто для пирога.

– Лиза, я помогу, – предлагаю, уже протягивая руки к муке.

– Виктория Сергеевна, да что вы! – она смотрит на меня с искренним ужасом. – Всё готово, всё под контролем. Идите, отдохните. Выглядите уставшей.

Мне ничего не остаётся, как с улыбкой отступить. В моём собственном доме мне нечего делать. Я не готовлю, не убираю, не стираю. У меня есть всё, чтобы быть декорацией. Красивой, ухоженной, но декорацией. Эта мысль вонзается в мозг острее, чем когда-либо.

Я поднимаюсь в гардеробную. Большое, залитое светом помещение, где аккуратно развешаны платья, расставлены ряды обуви. Всё это подобрано стилистом, куплено Мироном или мной, но на его деньги. Его деньги… Они везде. Они – воздух, которым я дышу. Или клетка, в которой я живу? Я больше не знаю.

Взгляд падает на забытый на полке с сумками старый смартфон. Не знала, что Мирон до сих пор им пользуется. Беру его в руки. Батарея почти разряжена. Ещё одна бесхозная вещь,

но уже не в кабинете. Необъяснимое чувство заставляет меня нажать на кнопку включения. Я никогда прежде не проверяла его вещи. Никогда. Доверие было тем фундаментом, на котором стоял наш брак. Но сейчас этот фундамент трещит по швам, в ожидании кто первый по нему стукнет.

Смартфон без пароля. Он быстро загружается. Листаю иконки приложений. Всё как всегда в любом его гаджете – биржевые сводки, новости, корпоративная почта. Ничего личного. Я уже готова отложить его, когда палец сам нажимает на иконку мессенджера, который мы с ним не используем. Он установлен, но не открыт.

Приложение щелкает, открываясь на последнем чате. Имя собеседника – всё тоже, «К.». И одно-единственное голосовое сообщение, пришедшее во вторник. Вечером, до того, как он сказал, что задержится на работе. Сообщение, на которое он, судя по всему, тут же ответил, но его ответа я не вижу.

Там всего три слова. Но от них кровь стынет в жилах и мир сужается до размера экрана.

«Скучаю. Жду нашей встречи».

Сообщение не несёт в себе ничего криминального само по себе. Но тон… Это далеко не тон делового партнёра или старого друга. Это интимный, мягкий, полный нежности и ожидания шёпот. Голос женщины, знающей, что встречи с ней ждут, поэтому позволяющей себе так говорить.

Роняю смартфон. Звонкий стук о паркет кажется невероятно громким. Делаю шаг назад, натыкаюсь на банкетку и плюхаюсь на неё, потому что ноги не держат.

В ушах шумит. Перед глазами пляшут черные точки. Я дышу, глубоко и прерывисто, как будто только что пробежала марафон.

Ещё одно подтверждение его измены. В этот раз голосом. Осталось найти в нашей спальне чужие трусы или лифчик.

Поднимаю смартфон с пола. Сообщение всё ещё там, черным по белому. Я вглядываюсь в номер. Незнакомый. Куча вопросов в голове: «Это та же Карина или есть ещё пара Катюш, с которыми он тоже мне изменяет? Неужели я настолько не знаю своего мужа? Сколько лет он мне не верен? Вся наша жизнь ложь?» Достаю свой смартфон и судорожно пытаюсь вспомнить, как проверить номер через интернет. Пальцы дрожат, я промахиваюсь мимо клавиш.

Внезапно раздаётся звонок домофона. Я вздрагиваю так, будто меня ударили током. Сердце бешено колотится. Ещё немного и я сорвусь.

Голос горничной в двери спокоен:

– Виктория Сергеевна, к вам Ольга Викторовна. Охрана спрашивает, пропустить?

Ольга. Моя подруга. Ещё одна светская львица, сплетница и ходячий таблоид. Все, кроме меня, всегда в курсе всего. Обычно её визиты меня утомляют, но сейчас появление Ольги кажется спасением. Мне нужны люди, шум, разговоры. Всё, что отвлечёт от ужасной догадки, успевшей пустить в моё сердце ядовитые корни.

– Проси, – говорю хриплым голосом.

Я быстро спускаюсь в гостиную, стараясь придать лицу спокойное выражение. Ольга уже здесь, сбрасывает на руки горничной норковый палантин и дорогущую сумку.

– Викуля, родная! – она пахнет дорогими духами и свежей краской для волос. – Ты как? Я была недалеко по делу, решила заглянуть. Вы тут в тихой гавани, а в городе такое творится!

Она щебечет, рассаживается на диване и требует кофе. Я делаю знак горничной, и мы остаёмся одни. Ольга окидывает меня оценивающим взглядом.

– Ты бледная. Мирон всё на работе пропадает? Мужики, все они эгоисты. Мой-то в Ниццу смотался, на яхте друзей катать. Я вот одна скучаю.

Подруга говорит без остановки. Я киваю, сжимая в кармане домашнего костюма смартфон. Знаю, что она в курсе измен Мирона. Нужно спросить, но язык не поворачивается.

– Оль, – наконец выдавливаю я. – Ты… ты не слышала ничего? Про Мирона?

Она сразу замирает. Её глаза, обычно бегающие по комнате в поисках деталей для пересказа, становятся пристальными, серьёзными.

– Почему ты спрашиваешь? – голос подруги теряет легкомысленные нотки.

– Просто… он какой-то странный в последнее время. Мне показалось… – я запинаюсь, не в силах договорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.